

Заговоры на тоску и присушку девушки или женщины

Заговоры приворотные, присушки, присухи и любжи, используемые для создания расположения, возбуждения желания (сексуального влечения), возникновения симпатии и любви девушки или женщины к парню или мужчине. Источники русских народных заговоров на тоску и присушку, указаны в конце страницы.

1. Слова, тоску напустить, присушить девок

Четыре зорницы, четыре сестрицы: первая Мария, вторая Марфа, третья Марина, четвертая Макрида; подьте вы, сымайте тоску и великую печаль с гостей с властей со кручинных потюремных людей, салдатов новобранных и с малых младенцев, которые титьку сосали и от матерей остались; наложите ту тоску и телесную сухоту, великую печаль, на рабу Божию имя рек, чтобы она, раба Божия имя рек, без меня, раба Божия имя рек, не могла бы она не жить, не ходить, не лежать, не спать, все по мне, рабе Божиим имя рек, тосковать. Тем словам и речам ключевые слова, аминь, аминь, аминь.

(Из старинного рукописного сборника, полученного из с. Ваймуги, Холмогорского уезда).

2. Слова тоску напускать

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану я раб Божей имя рек, благословесь, пойду перекрестесь, из избы дверями, из двора воротами, выйду в чистое поле; в чистом поле стоит изба, в избе из угла в угол лежит доска, на доске лежит тоска. Я той доски, раб Божий имя рек, помолюся и поклонюся. О, сия тоска, не ходи ко мне, рабу Божию имя рек, поди тоска, навались на красную девицу, в ясные очи, в черные брови, в ретивое сердце, розожги у ней, рабы Божией имя рек, ретивое сердце, кровь горячую по мне, рабе Божиим имя рек, не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крепость аминь, аминь, аминь.

(Из старого рукописного сборника, полученного из с. Ваймуги, Холмогорского уезда).

3. Заговор, чтобы навести тоску

Встану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь из дверей в двери, из дверей в ворота, в чистое поле, стану на запад хребтом, на восток лицом, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба летит огненна стрела; той стреле помолюсь, покорюсь и спрошу ее: «Куда полетела, огненна стрела?» — Во темные леса, в зыбучия болота, в сыроё кореньё! — «О ты огненна стрела, воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на святой Руси красна девица (имярек) полетай ей в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь, в становую жилу, в сахарныя уста, в ясныя очи, в черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнце, на утренней заре, при младом месяце, на ветре-холоде, на прибылых днях и на убылых днях, отныне и до века».

(Шенкурский уезд.)

4. Заговор, чтобы присушать девок

Говорить в пищу и питье:

Держитца, сохнет, прочь не отходит. Как малой младенец от матери прочь не отходит, держитца, сохнет по всякой час и на всякое время, как косяк косяка держитца, прочь не отходит, так бы держалась раба божия, имярек, крепко и плотно прочь от меня, раба божия имярек, не отходила, держалась и сохла крепко; как двери от ободверины не отходят, держатца крепко, как печная доска от печи прочь не отходит, горит и сохнет, прочь не отходит, так бы не отходила раба Божия имярек от меня, раба божия имярек, сохла, горела, прочь не отходила по всякой час на всякое время. Стану я, раб божий имярек, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду на широкую улицу, пойду в чистое поле. В чистом поле красное солнце грееть и огревает сыроматерую землю; от красного солнца сохнет и обсыхает роса медвяная, так бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы божией имярек по мне, рабе, божием имярек. Как красное солнце огревает сыроматерую землю, щепитце и колитца и сохнет, как хмель вьетце и тянетце по сыроматерой земли, так бы вилось и тянулось

ретивое сердце по мне, рабе божием имярек, на всякой час, на всякое время. Пойду я раб божий по зорю Марию, по зорю Маремьянию ко господню престолу, на господнем престоле мати Мария и Маремьяния, прийду я к тебе, раб божей имярек, низко помолюся и поклонюся, как на тебе нетленные ризы держатца, так бы держалась раба божия имярек. Пойду я, раб божей имярек, подле синее море: есть в мори ковыл щука, без воды не может ни жить ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой час. Поди та тоска в семдесят жил и в семдесят суставов во становия в две жилы и в едину, в попядную и спиновую жилу. Тем моим словам ключь и замок, брошу замок в морскую пучину, тем моим словам ключа не бывать и того замка не отпирать, аминь, аминь, аминь.

(Из старинного рукописного сборника, полученного из с. Ваймуги, Холмогорского уезда).

5. Наговор на присушение

Как раб божий Н., любит рабу Божию Н, так чтобы и раба Божия Н., любила раба Божия Н. не могла без него ни жить, ни пить и не ись; и любила и почитала его лучше отца и матери, белаго месяца и красного ясна солнышка, веки повеки, отныне до веку, аминь.

(Доставил Н. А. Иванов из г. Пинеги).

6. На разжение сердца у девицы

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, из избы не дверями, из двора не воротами, в чистое поле. В том поле есть океан-море, в том море есть латырь камень, на том камне стоит столб, от земли до неба огненный, под тем столбом лежит змея жгуча, опалюча. Я той змее поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты, змея! не жги, не пали меня, полетай под восточну сторону, в высок терем, в новы пкой, пухову перину, шелкову подушку, к девице, Н., разожги и распали у той девицы белое тело, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, все подпятныя и занокотныя жилы; чтоб она девица Н. не могла ни жить ни быть, часу часовать и минуты миновать; поутру вставала — обо мне бы вздыхала, пошла — на мне Н. величала, ни с кем бы она думы не думала, мысел не мыслила, плоду не плодила, плодовых речей не говорила, ни с отцем бы, ни с матерью, ни с родом, ни с племенем, кроме меня р. б. Н.; все бы она

девица Н. со мной р. б. Н. думу думала, мысли мыслила, плод плодила, плодовые речи говорила, на ветху и на нову месяцу и на перекрое месяцу. Будьте те мои слова недоговорены, переговорены, все сполна говорены. Ключ сим словам в зубы, замок в рот.

(Доставил Н. А. Иванов из г. Пинеги).

7. На рожжение девичья сердца

Встану я, раб божий имя рек, благословясь, пойду перекрестесь, из избы дверями, из двора воротами, в чистое поле, погляжу и посмотрю под восточную сторону; под восточной стороной стоит есть три печи: печка медна, печка железна, печка кирпична. Как оне разожглись и распалились от неба и до земли, разжигаются небо и земля и вся подселенная; так бы разжигало у рабы божей (имярек) к рабу божию (имярек) легкое и печень и кровь горячу, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни пить, ни ись, ни спать, ни лежать, все на уме меня держать. Недоговорены, переговорены, прострелите, мои слова, пуще вострого ножа и рысьяго когтя.

(Записал помощник миссионера Батраков в с. Ухтострове).

8. На разожжение сердца у девицы

Встану не благословясь, пойду не перекрестясь, в чистое поле. В чистом поле стоит тернов куст, а в том кусту сидит толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебе, толстой бабе, сатаниной угоднице, и отступлюсь от отца и от матери, от роду, от племени. Поди, толстая баба, разожги у красной девицы сердце по мне, рабе имярек.

(Заговор этот выписан из старинного дела бывшей Архангелогородской Губернской канцелярии. Дело значитя по секретной описи под № 251-м 1734 года и названо: Присланный его Императорского Величества из С.-Петербургской канцелярии Тайных и Розыскных Дел указ Кехотской волости о крестьянине Трофиме Попове).

9. Слова присушать девицу

Говорить в питье и пищу:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану, раб божей, благословесь, пойду перекрестесь, выйду в чистое поле, в широкое раздолье; на встречу мне среди чистого поля и широкого раздолья семдесят буйных ветров и семдесят вихоров и семдесят ветрович и семдесят вихорович. Пошли они на святую Русь зеленого лесу ломать и на пол из корени вон воротить и пещеры каменные розжигать. И тут я, раб божей (имярек), помолюсь им и поклонюсь: о, вы есть 70 буйных ветров и 70 вихоров и 70 ветрович и 70 вихорович, не ходите вы на святую Русь зеленого лесу ломать, из корени вон воротить и пещеры каменные розжигать, подьте вы, разожгите у рабы божией (имярек) белое тело, ретивое сердце, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы и всю ей, чтобы она раба божия (имярек) не могла бы не жить, не быть, не пить, не исть, не слова говорить, не речи творить, без меня, раба божия (имярек). Как меня она, раба божия (имярек), увидит или глас мой услышит, то бы радовалось ей белое тело, ретивое сердце, памятная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы и все у ней суставы веселились. И как ждет народ божия владычного праздника, светлого Христова Воскресения, и звону колокольного, так бы она, раба божия (имярек), дожидалась: на которой день меня она не увидит или гласа моего не услышит; так бы она сохла, как кошенная трава в поли; как не может быть рыба без воды, так бы не могла бы быть она без меня, раба божия (имярек). Тем моим словам и речам ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Из старинного рукописного сборника, полученного из с. Ваймуги, Холмогорского уезда).

10. Заговор, чтобы присушить девицу

Молодой человек, желающий возбудить с себе любовь непреклонной девицы, идет к знахарю, с просьбой присушить к нему ту, которая была к нему равнодушна.

Колдун вынимает пряник и, приняв таинственный вид, начинает, поводя глазами и расширяя по временам ноздри, наговаривать на этот пряник: «Во имя Отца и Сына Святаго Духа, аминь. Стану я раб божий Н. благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чисто поле за дворами; взмолюся трем ветрам, трем братьям: ветер Моисей, ветер луна,

ветер буйные вихори! Дуйте и винтите по всему белому свету и по всему миру крещеному, распалите, разожгите и сведите рабыню Н. со мною, с рабом Божиим Н., душа с душой, тело с телом, плоть с плотью, хоть с хотью, не уроните той моей присухи ни на воду, ни на лес, ни на землю и не на скотину: в воду сроните — вода высохнет; на лес сроните — лес повянет; на землю сроните — земля сгорит; на скотину сроните — скотина посохнет. Снесите и донесите, вяжите и положите в рабицу Божию (имя рек) в красную девицу, в белое тело, в ретивое сердце, в хоть и в плоть: чтобы красная девица не могла без меня раба Божия (имя рек) ни пить, ни быть, ни дневать, ни часа часовать, о мне, рабе Божиим (имя рек), тужила бы и тосковала и никогда бы не забывала. Есть в чистом поле сидит баба сводница, у бабы у сводницы стоит печь кирпичная, в той печи кирпичной стоит кунган литр, в том кунгане литре всякая вещь кипит перекипает, горит перегорает, сохнет и посыхает. И так бы о мне, рабе Божиим Н., сердцем кипела, кровию горела, и не могла бы без меня, раба Божия Н., ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни питием отпитися, ни дутьем отдутися и ни в парной бане отпариться. Тем моим словам ключ и замок, аки ключ на церкви. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, аминь, аминь.

«Стану я раб Божий Н. благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле на три росстана, помолюсь я, раб Божий, трем братьям, трем ветрам: первый брат ветер восточный, второй ветер запад, третий ветер север! Внесите тоску и сухоту в рабицу Божию Н., чтоб она о мне, рабе Божиим, сохла и тоскнула; не могла бы и дня дневать, ни часу часовать, отныне до века и вовеки, аминь, аминь, аминь.

Получив от колдуна пряник, парень должен отдать его своей возлюбленной. Если это ему удастся, она побеждена.

(Записано А. Харитоновым в Шенкурском уезде).

11. Заговор на присушение

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй нас, аминь.

На русской и на немецкой земли есть огненной царь, высушил реки и озера и мелкия источины, — и как в нынешних ветрах (высушил), так бы сохла раба б. Н. по мне рабу б. Н. двадцати четырех часу денных и ноцных, на новце месяце, и на ветхе месяце, и на перекрое месяце, и во вся меженны

дни, и не могла бы не жить и не быть, ни исть раба б. Н. без меня р. б. Н.: в семидесят суставах и в семидесяти жилах, в подпятное жилие и в подколенном жилие и во пространной жилы в и везде бы сохло и болело, по мне р. б. Н. Еще есть в чистом поле стоит Феоклист, да все высохло; днем при солнце, а ночью при месяце и при частых звездах, и при частых дождиках, в семидесяти суставах и в семидесяти жилах и в подколенном жилие и в пространной жиле в и везде бы сохло у рабы б. Н. дватцет четыре часу денных и ноцных, на утряной зоре, на вечерной зоре, на новце месяце, и на ветхи месяце и на перекрое месяце, во вся меженные дни, не могла бы она р. б. Н. без меня раба б. Н. не жить и не быть. Еще есть в чистом поле печь медная, накладена дров дубовых, как от техъ дров дубовых сколь жарко разгоряится, и так бы разгорялась раба б. Н. по мне рабу б. Н. 24 часу денных и ноцных, на новце месяце и на ветху месяце, и на перекрое месяце, во вся меженная дни, на утренной зори, во вся меженная дни, не могла бы она р. б. Н. без меня р. б. Н. не жить и не быть. Всем моим словам ключ и замок, аминь, аминь, аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль или на пиво, или на пряник, или в вино.

(Списан со старинной тетрадки, доставленной г. Хромцовым из Пинежскаго уезда).

12. Заговор, чтобы присушить девку

Выйду я на улицу, на божий свет, посмотрю в чисто поле. В чистом поле есть 77 медных светлых каленых печей, на тех 77 на медных, на светлых, каленых печах есть по 77 еги-баб; у тех у 77 еги-баб есть по 77 дочерей, у тех у 77 дочерей есть по 77 клук и по 77 метел. Помолюсе и покорюсе я р. б. Н. этим еги-бабовым дочерям: «ой еси! вы, еги-бабовы дочери, присушите и прилуците рабу б. Н. к рабу б. Н. метлами, следы запашите, клуками заключите, бейте убивайте подпятную жилу, бейте убивайте подколенную жилу, бейте убивайте становую жилу, бейте убивайте корекорястой дуб, бейте убивайте медны калены печи». Коль горят пылко и жарко медны калены печи, так же бы раба б. им. пеклась и калилась по всяко время, по всяк час, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полуноци, на утряной зори и на вечерной, на нову и на ветху месяцу, и на перекрое месяце; не могла бы она без р. б. Н. не жить, не быть, не пить, не ись, во сне не засыпала, во питии не запивала, во еды не заедала, с добрыми людьми во беседы не засиживала, все меня р. б. Н. на

уме держала; и казался бы я р. б. Н. светле светла месяца, красне красна солнышка, любе отца-матери, толще и матерей всего миру крещеного. Ветры ветерочки, буйны вехроцки! спущу я с вами свои слова, свою статию, на свою сторону, где ее найдете, тут ее возьмите, — на широкой улицы, во мшаной хоромине, во дверех, воротиках.

(Списан со старинной тетрадки, доставленной г. Хромцовым из Пинежского уезда).

13. Заговор для присухи

Из свежего веника берется прут, который кладут у порога двери, в которую пройдет тот, для кого назначена присуха. Как только перешагнуто через прут, он убирается в такое место, где его никто не мог бы видеть. Потом берут прут в жарко истопленную баню, бросают на пол и приговаривают:

«Как сохнет этот прут, пускай сохнет по мне раб божий (такой-то)».

(Доставил г. Никольский из Мезени).

14. Подход на любовь девицы

Наговаривают на воду или на пряник или на что-либо другое, и дают выпить или съесть той, которую хотят приворожить:

Стану я раб божий благословясь, пойду перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле. Есть сидит в чистом поле сама Пресвятая Богородица Мати Божия. Как она скрипит и болит по своем сыне, так бы по рабу б. Н. раба б. Н. скрипела и болела, и в огне горела, не могла бы она ни жить, и не быть, и не пить, и не ись. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

(Записано в г. Онеге).

15. Любовное заклинание из следственного дела 1769 г.

Во имя сатаны и судьи его демона, почтенного демона пилатата игемона, встану я, добрый молодец, и пойду я, добрый молодец, ни путем, ни дорогою, заячьим следом, собачьим набегом и вступлю на злобное место и посмотрю в чистое поле в западную сторону под сыру матерую землю и пойду я своею буйною головою о землю сыро-матерую поклонюсь и помолюсь самому сатане. Гой еси ты государь сатана! пошли ко мне на помощь рабу своему часть бесов и дьяволов, Зеследер, Пореастон, Коржан, Ардун, Купалолоака с огнями горящими и с пламенем палящим и с ключами кипучими, и чтоб они шли к рабице девице или молодежи и зажигали б они по моему молодецкому слову ее душу и тело и буйную голову, ум и слух, и ясные очи, и белое лице, и ретивое сердце, и бурую печень, горячую кровь и все телесные жилы и суставы и ее думу и думицу на похотенье и погляденье, и чтоб она раба от всего телесного пламени не могла бы на меня доброго молодца и на мое белое лице наглядетьца и насмотретьца, и шла бы она в мою молодецкую думу и думицу и в молодецкую телесную мою утеху, и не могла бы она насытитца своею черною пиздою моего белого хуя и не метывала бы она девица или молодича меня доброго молодца от своей думы и думицы и ясных очей, и не могла бы она без меня ни жить ни быть, ни есть ни пить, как белая рыба без воды, мертвое тело без души, младенец без матери, и сохла бы она по мне своим белым телом, как сохнет от великого жару и от красного солнышка и от буйного ветра и которая трава лодшейная (sic) атца бы ей от моих сих слов, наговоров и приговоров никаким хитрецам и мудрецам, ни старым ни молодым, ни красным девицам...1 вы мои слова полны и наговорны, как великое океан-море, крепки и лепки, крепчае и лепчае клею карлуку и тверже и плотнее булату и камению. Тут моим словам ключ и замок, и положу я тот ключ и замок самому сатане под его золот престол, а когда престол его разрушится, тогда и дело сие объявитца.

16. Приворотный заговор на пряник

Говорится на пряник, который должен быть подарен любимой девушке.

Во имя Отца И Сына и Святаго Духа. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из дверей воротами, в чистое поле заворами и замолюся трем ветрам, трем братьям: Ветр Мойсей, ветр Лука, ветры буйные, вихори! Дуйте и винтите по всему свету белому и по всему люду крещеному; распалите и присушите медным припоем рабу (имярек) ко мне, рабу Божию. Сведите ее со мною — душа с душою, тело с

телом, плоть с плотию и не уроните, по всему белому свету гуляючи, той присухи крепкой ни на воду, ни на лес, ни на землю, ни на скотину и ни на могилу. В воду сроните — вода высохнет; на лес сроните — лес повèнет; на землю сроните — земля сгорит; на скотину сроните — скотина посохнет; на могилу к покойнику сроните — костьё в могиле запрядает. Снесите и донесите, вложите и положите в рабицу Божию (имярек), в красную девицу, в белое тело, в ретивое сердце, в хоть и в плоть. Чтоб красная девица не могла без меня, раба Божия (имярек), не жить, не быть, не дни дневать, не часà часовать, о мне, о рабе Божиим (имярек), тужила и тосковала. В чистом поле сидит баба сводница, у тоё у бабы у сводницы стоит печь кирпична, в той печи кирпичной стоит кунжån литр; в том кунжане литре всякая вещь кипит, перекипает, горит, перегорает, сохнет и посыхает: и так бы о мне, рабе Божьем (имя рек), рабица Божья (имярек) сердцем кипела, кровью горела, телом сохла и не могла бы без меня, раба Божия (имярек), не жить, не быть, не дни дневать, не часà часовать; не едой отъестись не могла бы от меня, не питьем отпиться, не дутьём отдуться, не гулянкой загулять, не в бани отпариться. Тем моим словам ключ и замòк, аки крест на церкви. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Аминь. Аминь.

Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из дверей воротами в чистое заворами. Выйду я, раб Божий, на три росстани, и помолюсь я трем братьям-ветрам: «Первый брат сток, второй брат сивер, третей брат лето! Внесите вы тоску и сухоту в рабицу Божью (имярек) чтоб она, по мне, рабе Божьем (имярек), тоснула и сохла, не могла бы без меня не дня дневать, не часа часовать, отныне до века и во веки. Аминь!»

(Шенкурск. у. Арханг. г., зап. А. Харитонов)

17. [Заговор на присушку девушки]

Говорить на три зори: утреннюю, вечернюю и утреннюю.

Благослови раба Божия (имярек). Благословясь, лягу я, раб Божий (имярек), помолясь встану, перекрестясь умоюсь водою, росую, утруся платком тканым; пойду аз, раб Божий, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, на путь, на дорогу; в стречу мне, рабу Божию, три брата: Усыня, Бородыня да Никита Маментий. «Гой еси, три брата, да вы куда идете, вы куда бредете?» «Идем на леса темные, на болота зыбучия, на реки текучия леса зажигати, болота высушати, реки затворяти». «Гой вы еси, три брата,

не ходите на леса темные, на болота зыбучия, на реки текучия, подите вы, сходите. послужите мне, куда я вас пошлю, раб Божий; зажгите вы ретивое сердце у рабы Божией (имярек), чтобы горело по рабе Божиим; как огонь горит в печи жарко на жарко, не потухает, так бы ея сердце горело по рабе Божиим; как мил весь белой свет, так бы я казался ей рабе Божией, краснее красного солнышка, светлее светлого месяца; как тоскует мать по дитяти, так бы раба Божия тосковала и горевала по рабе Божиим, тосковало и горевало ея сердце; как тоскует младенец по титьке, так бы и она тосковала и горевало сердце у рабы Божией по рабе Божиимъ; как тоскует кобыла по жеребенке, корова по теленке, так бы раба Божия тосковала и горевало ея сердце по рабе Божиим; как тоскует сука по щенятам, кошка по котяткам, так бы и она, раба Божия, тосковала и горевало ея сердце по рабе Божиим; как тоскует утка по утятам, клуша по клушатам; въ еже бы не заедала, в питье бы не запивала, в гульбе бы не загуливала, во сне бы не засыпала, ни в году, ни в полугоду, ни во дни, ни в ночи, ни в часу, ни в получасу, ни в минуту, ни в полуминуту». Говорю я аз, раб Божий (имярек), тридесять слов, тридесять стихов и тридесять молитв; как на земле бел горяч камень, так бы мои слова и наговоры сквозь семидесяти костей, сквозь осмидесяти суставов, сквозь пятидесяти жил, сквозь буйной головы, сквозь ясных очей, сквозь ручных жил, сердечных, сквозь пятных и подколеночных. Говорю я аз, раб Божий, тридесять слов и тридесять стихов, тридесять молитв; запираю аз, раб Божий тридесятьми запорами и тридесятью ключами, и те ключи к себе беру. Пойду аз, раб Божий, из Океана в Океан-море; брошу я те золоты ключи в Океан-море, под тот бел горяч камень; на том Океане-море никому не бывать и воды не пивать, песку не зобать и тех золотых ключей никому не вынимать, по мой век, по мою смерть.

(Владим. г.)

18. [Заговор на тоску девицы по парню]

Наговаривается на хлеб, вино и проч., что дается привораживаемому, также на его следы.

Встану я, раб Божий (имярек), и пойду из избы в двери, из дверей в ворота, в чистое поле, под восток, под восточную сторону. На встречу мне семь братьев, семь ветров буйных. «Откуда вы, семь братьев, семь ветров буйных, идете? Куда пошли?» «Пошли мы в чистыя поля, в широкия

раздолья сушить травы скошеная, леса порубленные, земли вспаханая.»
«Подите вы, семь ветров буйных, соберите тоски тоскучия со вдов, сирот и маленьких ребят, со всего света белого, понесите к красной девице (имярек) в ретивое сердце; просеките булатным топором ретивое ея сердце, посадите в него тоску тоскучую, сухоту сухотучую, в ея кровь горячую, в печень, в составы, в семьдесят семь составов и подсоставков, един состав, в семьдесят семь жил, единую жилу становую; чтобы красная девица (имярек) тосковала и горевала по (имярек) во сне суточные в двадцать четыре часа, едой бы не заедала, питьем она не запивала, в гульбе бы она не загуливала, и во сне бы она не засыпывала, в теплой парусе калиновым щелоком не смывала, шелковым веником не спаривала, пошла, слезно плакала, и казался бы ей (имярек) милее отца и матери, милее всего роду племени, милее всего под луной Господней, скатного жемчугу, платья цветного, золотой казны». Будьте вы, мои слова, крепки и лепки, крепче камня и булата. Ключ моим словам в небесной высоте, а замок в морской глубине, на рыбе на ките; и никому эту кит-рыбу не добыть, и замок не отпереть, кроме меня (имярек). А кто эту кит-рыбу добудет, и замок мой отперет, да будет яко древо, палимое молниею.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляев).

19. [Заговор на сухоту у девушки]

На море на Океане, на острове Буяне живут три брата, три ветра, один северный, другой восточный, третий западный. «Навейте, нанесите вы, ветры, печаль, сухоту рабе (имя рек) чтобы она без раба (имярек), дня не дневала. часа не часовала». Слово мое крепко.

(Зап. А. Селиванов).

20. Заговор на тоску девушки по парню

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. В печи огонь горит, палит и пышет и тлит дрова; так бы тлело, горело сердце у рабы Божией (имярек) по рабе Божиим (имярек) во весь день, по всяк час, всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь.

(Череповск. у. Повгор. г., зап. Н. Чернышев).

21. Заговор, чтобы девушка тосковала

Наговаривают на еду и питье, которые дают привораживаемому, или на его след.

Встану я (имярек) и пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в широкое раздолье, к синему морю-окиану. У того у синяго моря Окиана лежит Огненный змей. Сражается и снаряжается он зажигать горы и доли и быстрыя реки; болотная вода со ржавчиною, орлицу с орлятами, скопу со скопятами, травы подкошеныя, леса подсеченыя. Подойду я поближе, поклонюсь пониже. «Гой, еси ты, Огненный змей! Не зажигай ты горы и доли, ни быстрыя реки, ни болотная вода со ржавчиною, ни орлицу с орлятами, ни скопу со скопятами; зажги ты красну девицу (имярек), в семьдесят семь составов, в семьдесят семь жил и в единую жилу становую, во всю ея хочь; чтоб ей милюсь и хотелось, брало бы ее днем при солнце, ночью при месяце, чтобы она тосковала и горевала по (имярек), сном бы она не засыпала, едою не заедала, гульбою не загуливала. Как белая щука-рыба не может быть без проточной воды и без прѣбежи, так бы красная девица (имярек) не могла бы без (имярек) ни жить, ни быть». Будьте, мои слова крепки и лепки, крепче камня и булата, острого ножа и борзаметкого копья. А ключ моим словам и утверждение, и крепость крепкая, и сила сильная в небесной высоте, а замок в морской глубине.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляев).

22. [Заговор, чтобы девушка тосковала и горевала]

Наговаривается на пищу и питье, которые дают привораживаемому лицу, или на его след.

Встану я (имярек) и пойду из дверей в двери, из дверей в ворота, в чистое поле. На встречу мне огонь и полымя и буен ветер. Встану и поклонюсь им низешенько и скажу так. «Гой еси, огонь и полымя! Не палите зеленых лугов, а буен ветер, не раздувай полымя, а сослужите службу верную, великую; выньте из меня (имярек) тоску тоскучую и сухоту плакучую;

понесите ее через моря и реки, не утопите, а вложите, ее в рабу Божию (имярек), в белую грудь, в ретивое сердце и в легкия, и в печень, чтоб она обо мне, рабе Божиим (имярек), тосковала и горевала денну, ночну и полуночну; в сладких ествах бы не заедала, в меду, пиве и вине не запивала». Будьте вы, мои слова, крепки и лепки отныне и до веку. Закрываю крепким замком и ключ в воду.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляев)

23. Заговор присушить девушку

Наговаривается на пищу или питье, которые дают привораживаемому, или на след его.

Стану я, раб Божий (имярек) благословясь, пойду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле. Есть сидит в чистом поле сама Пресвятая Богородица Мати Божа. Как она скрипит и болит по своем Сыне, так бы по рабу Божиим (имярек) раба Божия (имярек) скрипела и болела, и в огне горела, не могла бы она ни жить, и не быть, и не пить, и не ись. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(Зап. П. Ефименко)

24. [Заговор на тоску девушки по парню]

Господи Боже, благослови Христос! Стану я, раб Божий, (имярек) благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, со двора в ворота, в чистое поле. В чистом поле, в зеленых кустах, в поморье стоит вертеп; в том вертепе сидит матерая жена на золотом стуле между троих дверей. Молюся я, раб Божий (имярек) до ней: «Ты старая матерая жена, тебе дано от Господа и от Пресвятыя Богородицы ведати меня раба Божия (имярек) Адамов закон, Еввину любовь, вложи желанное сердце рабе Божией (имярек) по мне, по рабе Божиим (имярек). И тут старая матерая жена милостивая, милосердая, золотая ступа, покидает шолковдй кужелек, веретенцо серебряное, молится Христу Царю Небесному, Богородице, Матери Царице, вкладывает желанное сердце рабе Божией (имярек). Как кипит под землю летом беспрестанно белой ключ, так бы кипело, горело сердце и душа у рабы Божией (имярек) по мне, по рабе Божиим (имярек).

Как всякой человек не может жить без хлеба, без соли, без платья, без ежи, так бы не можно жить рабе Божией (имярек) без меня, раба Божия (имярек). Коль тошно рыбе жить на сухом берегу, без воды студеныя, так бы тошно было рабе Божией (имярек) без меня, раба Божия (имярек). Коль тошно младенцу без матери своей, а матери без дитяти, толь тошно рабе Божией (имярек) без меня раба Божия (имярек). Как быки скачут на корову, или как корова в Петровки голову закинет, хвост залупя, так бы раба Божия (имярек) бегала и искала меня, раба Божия (имярек), Бога бы не боялась, людей бы не стыдилась, во уста бы целовала, руками обнимала, блуд сотворила. И как хмель вьется около кола по солнцу, так бы вилась, обнималась около меня, раба Божия (имярек). Как цвела утренняя роса, дожидаясь краснова солнца из-за гор из-за высоких, так бы дожидалась раба Божия (имярек) меня, раба Божия (имярек), на всякий день и на всякий час, всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь.

(Череповск. у. Новг. губ., зап. Н. Чернышев)

25. [Заговор на тоску девицы]

Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле. На желтом песку есть белая рыбица. Как белая рыбица тоскует и мечется и не может без воды жить, ни дnevать, ни часу часовать, на всяк день и на всяк час, и как у белой рыбицы прилегла чешуя от головы до хвоста, так бы прилегли ко мне, рабу Божию (имярек), у нея рабы Божией (имярек) думы и мысли на всяк час, и на всяк день в полном месяце и по все четные и во все двадцать четыре часа всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь.

(Череповск. у. Новгор. г., зап. Н. Чернышев)

26. [Заговор на тоску девушки из старинного травника]

Рыба карась или плотица, как тебе тошно на желтых песках, без воды и без грязи, тошно тебе в горячей и кипучей воде, так бы было тошно рабе (имярек) по рабе (имярек), чтоб она, раба (имярек), быть не могла; кто ту рыбу съест, тот без меня не проспит, не проживет и не единой минуты быть

не может.

(Из старинного травника В. А. Яковлева)

27. Заговор, чтобы присушить девушку

Наговаривается на пищу или питье, которые дают привораживаемому, или на след его.

Встану я, раб Божий (имярек), и пойду из дверей дверьми, из ворот воротами, под восток, под восточную сторону, под светлый месяц, под луну Господню, к тому синему морю, синему морю Окияну. У того у синяго моря лежит бел Алатр камень; под тем под белым Алатром камнем лежат три доски, а под теми досками три тоски тоскучия, три рыды рыдучия. Подойду я близехонько, поклонюсь низехонько «Вставайте вы, матушки три тоски тоскучия, три рыды рыдучия, и берите свое огненное пламя; разжигайте рабу (имярек) девицу, разжигайте ее во дни, в ночи и в полуночи, при утренней заре и при вечерней. Садитесь вы, матушки три тоски, в ретивое ея сердце, в печень, в легкия, в мысли и в думы, в белое лицо и в ясныя очи; дабы раб Божий (имярек) казался ей пуще света белого, пуще солнца красного, пуще луны Господней; едой бы она не заедала, питьем бы она не запивала, гульбой бы не загуливала; при пире она или при беседе, в поле она или в доме, — не сходил бы он с ея ума-разума». Будьте вы, мои слова, крепки и лепки, крепче камня и булата. Замыкаю я вас тридевятью замками; запираю я вас тридевятью ключами. Нет моим словам переговора и недоговора, и не изменить их ни хитрецу, ни мудрецу.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляев)

28. [Заговор, чтобы девушка тосковала]

Подают в три церкви поминание за упокой того человека, которому хотят нагнать любовную тоску, и потом в течение трёх дней выходя по утренним зорям, бросают на ветер горсть земли, взятой с какого-нибудь кладбища и притом каждый раз говорят:

На море на Окияне, на острове на Буяне стоит бел горюч камень, на том камне лежат три камня, на тех камнях стоят три гроба, в тех гробах три доски, на каждой доске три тоски; первая тоска убивалася, с телом

расставалася; вторая доска убивалася, с телом сопрягалася; третья тоска убивалася, в сердце вошла. К тем гробам девица (имярек) приходила, от тех трех досок три тоски износила; от тех гробов ветер подувает, тоску рабе (имярек) навеваает, за упокой ее поминает; и был бы я ей, удал добрый молодец, краше красного солнца; по мне бы всегда тосковалася, сердцем со мной сопрягалася, сохла бы да не умирала, в еде бы тоски не заедала, в пойле не запивала, от первыя тоски не положила бы руки, а век бы меня поминала, сохла бы да тосковала.

(Сенгилеевск. у., Симбирск. губ.; зап. В. Юрлов)

29. [Заговор на тоску девицы по парню]

Читается до восхода солнца на зоре над чем-нибудь съестным, что после и даётся съесть девице.

Лягу я раб (имярек), помолюся; встану, перекрещуся; умоюся утренней росой, утруся Господней пеленою; пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, на чистое поле на Окиан море. Там встретятся со мной четыре ангела; я, тым ангелам покорюся и поклонюся. Вы же, четыре ангела, вырвите тоску-кручину из меня, раба (имярек), из моего тела белого, из моих черных очей, из всех моих жил и составов и недугов, и вложите ту тоску-кручину в рабу (имярек), и в ея тело белое, и в ея черны очи, и во все ея жилы и составы и недуги; чтобы раба (имярек) тосковала по мне, рабе (имярек), и горевала, и во всей тоске пребывала, и никогда меня не забывала, ни на питье не запивала, ни на еде не заедала, и во сне не засыпала, и в беседе с добрыми людьми не заговаривала; ни на кого бы не взирала, ни на отца, ни на мать, ни на брата, ни на сестру, ни на дядю, ни на тетку, ни на соседа, ни на соседку; а взирала бы на одного раба меня (имярек). Замкну замки замками, заключу заключи ключами, твердейшими словами.

(Юрьевск. у., Влад. г., зап. Дм. Беренисов)

30. [Заговор на тоску женщины, наговариваемый на питье]

Читается на подаваемое питье.

Лягу я, раб Божий, помолясь, встану я, благословясь; умоюсь я росой, утрусь престольною пеленою, пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду в чисто поле, во зеленое поморье. Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную сторонушку, как красное солнышко воссияло, припекает мхи-болоты, черныя грязни. Так бы припекала, присыхала раба Божия (имярек) о мне, рабе Божьем (имярек) — очи в очи, сердце в сердце, мысли в мысли; спать бы она не заспала, гулять бы она не загуляла. Аминь тому слову.

(Зап. В. Даль)

31. [Наговор, чтобы женщина тосковала по мужчине]

Упокой, Господи, душу, в теле живущую у рабы твоя (имярек). Боли, ея сердце, гори, ея совесть, терпи, ея ярая кровь, ярая плоть, легкое, печень, мозги. Можитесь, ея кости; томитесь ея мысли, и день, и ночь, и в глухую полночь, и в ясный полдень, и в каждый час, и в каждую минуту обо мне, рабе Божиим (имярек). Вложи ей, Господи, огненную искру в сердце, в легкия, в печень, в пот и в кровь, в кости, в жилы, в мозг, в мысли, в слух, в зрение, обоняние и в осязание, в волосы, в руки, в ноги —тоску и сухоту, и муку; жалость, печаль и заботу, и попечение обо мне, рабе (имярек).

После того сотворить земной поклон.

Жалела бы раба Божия (имярек) о рабе (имярек), как сама о себе (поклон). Тосковала бы раба (имярек) день и ночь, и глухую полночь, и в ясные полдни, и каждый час, и каждую минуту о рабе (имярек) (*поклон*). Напусти, Господи, на рабу (имярек) злую тоску, невидимо пусть сохнет ея тело, руки, ноги, мозги, кости. Пленитесь, ея мысли, день и ночь, и в глухую полночь, и в каждый час, и минуту обо мне вечно. Спать бы ей — не заспать бы ей меня; есть бы ей — не заесть бы ей меня; пить бы ей — не запить бы меня; ходить бы ей — не заходить бы меня; говорить бы ей — не заговорить бы меня. И казался бы я ей, рабе (имярек), милее отца и матери, милее всего рода и племени, милее красного солнца и милее всех частых звезд, милее травы, милее воды, милее соли, милее детей, милее всех земных вещей, милее братьев и сестер, милее милых товарищей, милее милых подруг, милее всего света вольного; накажи, Создателю, благия рабу (имярек) подножию ног его (*поклон*).

Нужно прочесть три раза, а после в разное время прочитать 17 раз с поклонами; когда увидишь, что наговор подействовал, молись Богородице так:

Утоли, Владычица, тоску, печаль в рабе (имярек) по рабу Божию (имярек).

(В С.-Петербурге, зап. Н. Щукин)

32. [Заговор, чтобы присушить девушку]

Стану я, раб Божий (имярек), пойду из дверей во двери, из дверей в ворота, в восточную сторону, на Окиан-море; на том море стоит остров, на том острове стоит столб, на этом столбу сидят семьдесят семь братьев; они куют стрелы булатные день и ночь; скажу я им тихонько: «Дайте мне, семьдесят семь братьев, стрелу, которая всех пыльчее и летчее». Стрелю эту стрелю в рабу Божию, девицу (имярек), в левую титьку, легкия и печень, чтобы она горевала и тосковала денно, ношно и полуношно, не заедала и не запивала. Закрываю замком крепким, и ключ в воду.

(Зап. П. Вологдин)

33. [Заговор на тоску девушки с помощью голубиноного сала]

Молодец ловит и колет голубя, достает из него сало, на сале месит тесто, печет из него калачик либо кокурку или т. п. и этим кормит любимую девушку, приговаривая:

Как живут между собою голубки, так же бы любила меня раба Божия (имярек).

(Г. Дедюхин, Пермск. г., зап. Д. Петухов)

34. [Заговор на тоску женщины, говорящийся на платок пропитанный своим потом]

Мужчина должен хорошенько вспотеть и, обтерши пот платком, тем же платком должен утереть любимую женщину, приговаривая про себя:

Как у меня, раба Божия, пот кипит и горит, тако же бы у рабы Божией кипело и горело сердце обо мне, рабе Божиим.

(Г. Дедюхин, Пермск. г., зап. г. Д. Детухов)

35. [Заговор на разожение сердца у девицы]

Встану, не благословясь, пойду, не перекрестясь, в чистое поле. В чистом поле стоит тернов куст, а в том кусту сидит толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебе, толстой бабе, сатаниной угоднице, и отступлюсь от отца и от матери, от роду, от племени. Поди, толстая баба, разожги у красной девицы сердце по мне, рабе (имярек).

(Из дела о крестьянине Трофиме Попове, Кехотской волости, Архангельской губ., хранящемся в архиве бывшей Арханг. Губерн. Канцелярии, извл. П. Ефименко)

36. [Заговор присушить женщину или девицу]

Плюнуть на руку и говорить наговор на слюну, потом ударить невздогадь девицу или женщину против сердца; или же наговорить на кушанье или на питье и дать ей пить или есть.

Встану я, раб (имярек), и пойду из избы не во двери, со двора не в ворота и пойду я не в восток, не в восточную сторону. Не в востоке, не в восточной стороне есть Окиан-море, на том Окиане-море лежит колода дубовая, на той на колоде, на той на дубовой, сидит Страх-Рах. Я этому Страху-Раху покорюсь и помолюсь: «Создай мне, Страх-Рах, семьдесят семь ветров, семьдесят семь вихорев; ветер полуденный, ветер полуночный, ветер суходушный, которые леса сушили, крошили темные леса, зелены травы, быстрыя реки; и так бы сушилась, крушилась обо мне, об рабе (имярек) раба (имярек)». И пойду я не в восток, не в восточную сторону, на заднее крыльцо, в подымное окно, под гнилое бойное дерево, пойду не дорогой, а стороной, мышьею норой, собачьею тропой; идет мне на встречу рабу раба, ударю ее по ретивому сердцу и распорю я ея белу грудь и напущу на нее тоску тоскущую, кручину кручинскую; едами бы она не заедала, питьем бы

она не запивала, думой бы она не задумывала; и разойдись, тоска тоскущая, кручина кручинская, по ретивому сердцу, в становья жилы, в горячую кровь; запру я эту тоску тоскущую, кручину кручинскую ключами и замками; брошу я ключи и замки в Окиан-море. Есть в Окиане-море Златырь-камень, под тем под Златырем-камнемъ стоит щука-калуга, ключи и замки подхватила; никто эту щуку-калугу не может изловить ни неводами, ни нережками, ни мелкими ловушками; и куда я ни пойду, куда я ни поеду, все бы она, раба (имярек), у окошка сидела, за мной, рабом (имярек), за мной глядела и смотрела; и кто меня учил, и кто не доучил; будьте, слова крепки и лепки накрепко; как моя слюна сохла, так бы и она обо мне сохла.

(Влад. губ.)

37. [Заговор на тоску женщины по мужчине]

Говорить трижды на иглу новую, которою еще не шили, и на суровую нитку, продеваю игле в уши; наговоря, продеть иглу и с ниткой сквозь платя женского, против сердца, сзади или спереди.

Как мертвая, отходя живота своего временного, толикая вся тоска и скука, и прискорбность, и сокрушение сердца, и изнурение силы ея; аще бы не запрещено было от Бога, возмогла бы во всю вселенную вскричати, от толикия скуки и жалости, и изнурения сердца сил ея; аще Воскресения не узрю, то сердце мое стрелою устрелит и сердце уязвит, все жалости сердечныя распалит на все дни живота моего, во веки веком. Свежа вода Белозерская! не знаю ничего, ни скорби, ни болезни, и как заговаривал, у рабы девицы нитка порвися, кровь повинная. Аминь.

(Владим. губ.)

38. [Заговор на тоску девки по парню, говорящийся на три зори]

Говорить по три раза на три зори: утреннюю, вечернюю и утреннюю.

На море на Окиане, на острове на Буяне лежит камень, на том камне сидит красная девка, раба (имярек), и прииде к ней раб Божий (имярек) и говорит

ей: «Ты меня не убойся, я прииде, твой товарищ, тебя соблазнить, чтобы тебе меня почитать и всегда на уме держать, в еде бы не заедать, и в питье бы не запивать, во сне бы не засыпать, в гульбе бы не загуливать; бросалась бы тоска в ночное окошко, в полуденное окошко, в денное окошко; казался бы я тебе краснее красного солнца и светлее светлого месяца, милее отца и матери, роду и племени, вольного света, разного цвета, что на свете цветет». Будь ты, мой приворот, крепче камня, крепче железа, отныне и до века. Аминь.

(Владим. г.)

39. [Заговор на тоску девушки по парню, наговариваемый на кислое яблоко]

Говорить на кислое яблоко; когда говоришь первые 12 слов, ударяй ножом в яблоко; как точка, так тут и ударь ножом; а говорить в самую полночь.

Встану я раб (имярек) на зоре, на утренней, на восходе солнышка, на закате месяца и на покрытие звезд, и пойду я, раб, за белой брагой, за девичьей красотой, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле, путем и дорогою, и приду я, раб, к Черному морю, и встану я, раб, на морской берег, и посмотрю я, раб, в морскую пучину, и увижу в той морской пучине лежащий белый Латырь-камень; на том на белом Латыре-камне сидящую царицу, Ирода царя, во имя Соломию. У той царицы есть тридевять слуг и тридевять прислужников и тридевять верных раб и двенадцать дочерей: Огnea, Гнетea, Знобea, Ломea, Пухлea, Скорохода, Трясуха, Дрожуха, Говоруха, Лепчea, Сухота и Невea. И поклонюся я тебе, раб: «О мати, царица Соломия, наведи своих тридевять слуг и тридевять прислужников, и тридевять верных рабов, и всех своих двенадцать дочерей с пилами, с терпугами, с могучими и сильными, большими молотами, и с острыми великими булатными мечами, и прикажи всем своим тридевять слугам и тридевять прислужникам, и тридевять верным рабам, и всем своим двенадцати дочерям разбить и распилить сей белой Латырь-камень и вынять из сего белого Латыря-камня палящий и гулящий огонь; и прикажи зажечь смолевые пучки, и прикажи идти со всеми огнями, со всеми пучками, к рабе в ясныя очи, в черныя брови, в буйную голову, в белое тело, в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь, и во все ея семьдесят жил, и во все ея семьдесят составов, в ручное, в головное, в станное и в

додколеночное; и прикажи всем своим тридевять слугам, и тридевять прислужникам, и тридевять верным рабам, и всем своим двенадцати дочерям разжигать и распаливать у рабы ясныя очи, черныя брови, буйную голову, белое тело, ретивое сердце, черную печень и горячую кровь, и все ея семьдесят жил, и все ея семьдесят составов, ручные, головные, становые и подколеночные; и чтобы у нея, рабы (имярек), тлело бы, горело все ея тело, ясныя очи, черныя брови, буйная голова, ретивое сердце, черная печень, и горячая кровь, и все ея семьдесят жил, и все ея семьдесет составов ручные, головные, становые и подколеночные; не могла бы она, раба, ни жить без меня, раба, и не быть, никаких тайных речей говорить ни с каким человеком, ни с отцем, ни с матерью, ни с сестрами, ни с братьями, ни с друзьями, ни с подругами; нигде бы ей, рабе, не засидеться и не стерпеть, — ни в своем доме, ни в чужих людях; и всегда бы она, раба, плакала бы и рыдала, охала бы и стонала, сохла бы и тосковала, кручинилась бы и печалилась обо мне, рабе, во всякий день, во всякий час, во всякую минуту, в полне и в перекрое, на нове и молоде месяце, век по веку».

(Владим. г.)

40. Любовный заговор (на любовь девицы)

И как моя плоть имярек держитца моева тела имярек, и так бы держалась раба имярек меня, раба имярек, словом и делом, и любовию сердешною, и уностью, и похотью; и как моя кровь горячая в пирсти мизинно(м) мила и красна мне имяреку, и держитца жил и составов и костей, и так бы рабе имярек казался раб имярек мил и хорош и красен, и держалась бы раба имярек уностью и похотью; и как сходятца оболочка с солнцем, и так бы входила моя плоть и кровь имярек в рабу имярек в кость и составы, в жилы; и как обрадуетца свет утреней зори, красному солнцу, так и бы обрадовалася раба имярек мне рабу имярек в утре рано и ввечеру поздо, и ставая и ложасе, и уностью и похотью, мисеца ветха и молода и в перекрое. Как имет мой востр булатен нож, так бы нело(жны) мои словеса.

Ускрести плоти и добыта крови из мизинова перста, и наговорить, и дать в естве или в питье.

(РГАДА. Ф. 141. 1631 г. №40. Л. 190-193)

41. Приворот

Сей к женкам.

Взят(ь) противо хребта в сорочке нитка да, где седит женка, с тог(о) места взят(ь) щепка, выколупит(ь) да перерезат(ь) на пол, половина жеч(ь), а говор(и):

(1) Как горит щепка в огне, так бы горело с(е)рдце имярек по мне имярек.

А другая полож(и) под пятау левою, а (говори):

(2) Так бы ступила вслед меня имярек, где(?)... буде сплю л(и), хожу л(и)... так бы напали мои слова на сю рабу Б(о)жию имярек, по мне, по рабе Б(о)жии имярек, в ден под с(о)лнцем, в ноч(ь) под м(е)с(я)цом, а избавит(ь) бы ей не мог никакой человек, на земли живущей, ни стар, ни молод, ни мужик, ни женка, ни старец, ни стариц(а), ни колдун, ни ведун.

(Из ркп. 2-й четверти XVII века. Олонецкий сборник)

42. Заговор на присуху женщины

Стану благословяс(ь), пойду благословяс(ь), пойду в чистое поле под с(о)лнечную страну. Там стоит сыр дуб крякновист. Стану аз, раб Б(о)жий имярек, поклонятис(ь) и покорятис(ь) четверем ветром и четверем вехорям: стан(ь)те вы, 4 ветра и 4 вехоря, понесите вы тоску и кручину и печал(ь) необычную со всех четырех сторон, от востока до запада, от юга и до севера, со всякого человека, с царя и царицы, с черньца и черницы, з белца и белиц(ы), стара и млада ко мне, к рабу Б(о)жию имярек, во едино место. Стану яз, раб Б(о)жий имярек, поклонятис(ь) и покарятис(ь) четверем ветром и четверем вехорям: стан(ь)те вы, 4 ветра и 4 вехоря, понесите вы меня, раб(а) Б(о)жия имярек, понесите по солнцу и по месяцу, (по) звездам и по лунам, и по всем сторонам; где ей // (л. 13 об.) ни увидите, туто вложите в ней тоску и кручину и печал(ь) необычную, тужила б та раб(а) Б(о)жия имярек по мне, по рабе Б(о)жии имярек, в ден(ь) при солнце, в ноч(ь) при месяцы, по всякой день, по всякой час, по всякое время, месяца ветха и полна и перекроя; тое бы тоски и великие печали сахарем не заесть и пит(ь)ем не запит(ь), ни со отцем, ни с матерью не отседитце, ни з брат(ь)ямы, ни с сестрамы, ни с суседамы не отседетце, ни на ветре не проходитце, ни делом не отделатце. Во век веком. Амин(ь).

(Из ркп. 2-й четверти XVII века. Олонецкий сборник)

43. Заговор на присуху женщины

Хожу яз, раб Б(о)ж(ий) имярек, подле синее море, прошу Б(о)жия милости, стан(у) яз, раб Б(о)жий имярек, поклонятис(ь) и покорятис(ь) четверем ветром и четверем вехорям: стан(ь)те вы, 4 вет(ра) и 4 вехоря, сколыблите вы сие мне синее море, выколыблите вы мне из синег(о) моря бел лат(ырь) камен(ь). Вынимаю яз, раб Б(о)жий имярек, ис под бела л(а)тыра камен(я) тридевять златых ларцов, вынимаю огонь палящ негасимый, мечю на землю. Стану яз, (раб) Б(о)жий имярек, поклонятис(ь) и покорятис(ь) четверем (ветром) и четверем вехорям: Стан(ь)те вы, 4 ветра (и 4) вехоря, понесите вы от меня, от раба Б(о)ж(ия), // (л. 14) огонь палящей неугасимый к рабе Б(о)жии имярек, по месяцу и по солнцу, и по зорям, и по лунам, и по звездам, и по всем сторонам; где ей ни увидите, туто вложи(те) в ню огонь палящ неугасимый, горело б у рабы Б(о)жии имярек ретивое сердце, 70 жыл, 2 жыл(ы), 70 суставов, 2 сустава по мне, по рабе Б(о)жии имярек, в ден(ь) при солнце, в ноч(ь) при месяцы, месяца ветха и полна и перекроя, по всякой день, по всякой час, в утре рано и в вечери поздо, и на межных днех. Замыкаю златыи ларцы, опускаю златыи ларцы под бел латыр(ь) камен(ь), мечю златыи ключи в синее море; как не бывати белу ла(ты)рю каменю из синег(о) моря, так бы не бывати рабе Б(о)жий имярек от меня, от раба Б(о)жия имярек, вовек. Амин(ь).

Не прилипайте ж, мои добрый слова, ни к сухому др(еву), ни к смоливому, ни к кости, ни к каменю, пр(илипитесь) ж, мои добрые слов(а) к рабе Б(о)жий имярек, в ея очи, в сахарные уста; не падите ж, мои доб(рые сло)ва", ни на землю, ни на воду, ни на (траву), ни на мхи, ни на болота, ни на глубокие ржавчини; падите ж, мои добрые слов(а), на раб(у) Б(о)жию имярек, в ея ясные очи, в сахарные уста, в ретивое сердце; будите ж, мои добрые слова, быстрее быстрые реки, вострее востр(а)го ножа. Тем моим словам быт(ь) вовек. Амин(ь).

(Из ркп. 2-й четверти XVII века. Олонецкий сборник)

44. Заговор на любовь девицы

Встану ранен(ь)ко, взойду на высок шолом, ускричу, взвоплю своим громким голосом: Ой вы, Сотона со д(ь)яволи со малы, со великими, вылести с окияне моря, возмिति огненую тоску мою, пойдити по белу свету, не зожигайти вы не пен(ь)я, не колод(ь)я, ни сырые дерев(ь)я, ни земни тровы, зажгити у рабы по мне рабу душу. На море акияне, на острове на Буяне стоит тут мыл(ь)ня, в той мыл(ь)не лежит доска, на той доске лежит тоска. Пришел я, раб имярек: Что ты, таска, тоскуеш(ь) и гарюеш(ь)? Не таскуй, таска, не гарюй, таска, поди, таска, уступи, таска, рабу имерек, чтоб(ы) она тоскавала и горевала по мне, по робу имерек; как тот огон(ь) горит, *в году и в полугоду, днем и полудни, и часу и в получасу, так бы та раба по мне, по робу, горела с белое тело, ретивае серцо, черная печен(ь), буйная голова з мозгом, ясными очами, черными бровями, сахарными устами. Скол(ь) тошно, скол(ь) гор(ь)ко рыбе без воды и так бы рабу имерек тошно, гор(ь)ко по мне по робу и дня и полудня, и часа и получаса, в году и полугоду, и неделе и полнеделю, и об ветху мне, и об молод(у) и о перекрое, да што загодай на моладую молоди не на кру(чи)ну(?) о девице. На што загода(л), на то и стань.

(РГАДА. Ф. 210. № 1133. 1688-1689 гг.)

45. Заговор на любовь (девушки)

Бию челом царю Инуилу и брату ево Манойле и ево поваром, и ево понасом, и ево придворником, и его приворотником, *и его купцом, и ево кравцом, и его шавцом. Снесите мою красоту имерек со всех бы с трех рек и со всех полей, с тимных лесов, с зеленых лугов, со всех розных трав и розных цветов. Полоште в имерек ее уста сахарные, в ее главу буйную, в ее очи ясные, в ее тело белое б, во все семдесят суставов и вс(е) десет суставов, и в един сустав, в е(е) жилу в длинную, чтобы(?) она не вредил(а) *имерек и меня имерек не забыла б ни в ден(ь) и в ноч(и) *и в полноч(и), и в час и в полчаса. Амин(ь) Царю Небесному.

Наговорит(ь) на молако или на сол(ь).

(РГАДА. Ф. 210. № 1133. 1688-1689 гг.)

46. Заговор наслатъ тоску на девицу

(Л)ягу не благословяс(ь), стану не перехрестяс(ь) в чисто поле к синему морю. У моря окяна лежит бел горюч камен(ь) калмык(?). На белом горючем камне калмыке(?) збегались 32 и един бес(ы) Сотонины и бес(ы) Сотоницы, а с нимя... Ой, сии тритцат(ь) два и един бес, хто у вас болше(й), хто меньшей, царь бес Салца, другой Хромца, третий (...)пца, хто у вас... Говорит бес Салца... Не ходите вы в Садомнаю царства, Садомново царя Солцу, подите вы по селам и по деревням и сымайте вы тоску кручину со всякого скота, и со всякого зверя, и со всякого человека, и со всякой травы, и со всякого цвета, и со всякого гаду, принесите вы тое тоску кручину рабу Божию имерек, зажгите вы в ней сердце с печен(ь)ю и кров(ь)ю горючею по мне имерек по всякой ден(ь) и по всякой час, по утренним зарям и по вечерним зарям. Каково тошно, каково горко утопленну в ваде, таково б тошно, таково горко рабе Божии имярек по мне, рабе имерек, ныне и во веки веков.

Лягу не благословяс(ь), встану не перехрестяс(ь) и пойду из ызбы не дверми и из двора не ворота и в кругу не по солнышку на западную сторону к синему морю окяну. На море акяне стоит остров Дубовой, в осторове Дубовом стоит изба(?) дубовая, а в том древе сидит птица без пер(ь)ев, без крыл(ь)ев. Летали к ней, птице, многие птицы, приносили к ней птицы тоску ключи. Каково тошно и горко птици без пер(ь)я, без крыл(ь)я, таково б тошно и таково б горко рабе Божие имерек по мне, ра(бу) Божью имерек, и каково тошно и како(во) горко рыбе белухе в реке без воды, таково б тошно, таково б горко раб(е) имерек по мне, по рабу имерек. Как ерькает верхней жернов по исподнем жернове, так бы ерькала сердце с печен(ь)ю и кров(ь)ю горючею у рабы имерек по мне по рабу имерек, по всякой час по мне по рабу имерек. Каково тошно, таково горко ...бному бревну от верхн(ево), и от середнева *бревна, и от заднева(?), таково бы горко, таково бы горко рабе Божией имерек по рабу имерек по всякой ден(ь), по всякой час, в дни и в ночи, по утренним зарям и по вечерним зорям, в полни и в полчас, и ны(не) и присно и во веки веков. Амин(ь). Буд(ь) мое.

(РГАДА. Ф. 210. № 1133. 1688-1689 гг.)

47. Любовный заговор

*Слова *о сишше*

От востока и до запада, от юга и до севера, от земли и до воздуха, от моря красота, мой зрак лица моего, добраго молодца и(мярек), и моим словам мои стихи в зеркало по поры. Прихожу аз, добрый молодец и(мярек), к черному морю, и бию челом, и поклоняюся седому мужу: Ой еси ты, седой муж и стар человек! Послушай меня, добраго молотца и(мярек), сослужи мне службу, поди ты ко прекрасной девицы и(мярек), прелсти ей душу и тело, сердце и всеми кости, и жилы, и суставы, и недуги, и ум, и разум, и очное зрение по мне, по добром молотцы и(мярек), чтоб она, красная девица и(мярек), сохла и тосковала по всякой день и по всякую ночь, и како она посмотритце в мое стекло и зеркало о полудни и о полунощи, с утра рано и в вечеру поздно. И послушай меня, седый муж, меня, добраго молотца и(мярек), и поемлет с собою булатное огниво, и сечет булатным огнивом булатные огни в мое светлое зеркало на добраго молотца и(мярек), зажигаем въсякую тоску и сухоту у той красной девицы и(мярек) по мне, добром мол отце и(мярек). И стар муж зажигает всякое древо стояче и лежачее от востока до запада тем же булатным огнивом, плящим огнем, зажигай у той красной девице и(мярек) душу, и тело, и сердце, и все кости, и жилы, и суставы, и недуги, и ум, и разум, и очное зрение, и юность, и ярость по мне, добром молотцы и(мярек). И ой еси ты, стар человек, отець и мать мне буди и брат доброму молотцу и(мярек). И зделай ты той красной девицы и(мярек) тошнее тошного и горшее горшего и всех мучищих, а тем моим словам мой зрак и язык добраго молотца и(мярек). Ключ и замок, а вода в пристен, а слух(?) в зеркале, а красота меня, добраго молотца и(мярек), на всякой пол мужеского и женского. Идет седатой человек, учнет та красная девице и(мярек) в своей тоски мучитися, и сия тоски не избыла б от сих моих слов, от моего языка, чтоб ей было тошнее тошного и горшее горшего отныне и до века по мне по добром и(мярек).

А сии слова говорить Зж на зеркало после байне.

(НБУ. Ф. 301. Ед. хр. 455. Конец XVII — начало XVIII в.)

48. Любовный заговор

Слова о сущше

Изо уст моих медвяных течет река огненная. Не пади, моя река огненная, ни в мед, ни в патоку, ни в зеленое вино, ни в пиво пьяное, ни в къвас, ни в иду, ни в какую пищу и еству, ни в какое едомое ни питное кушание, ни в

рыбу, ни в мясо, ни в хлеб, ни в соль, ни на воду, ни на землю, ни на лес, ни на птицу пролетучую, ни сидячую, ни на зверя прорыскучего, ни ходячего, ни стоячего, ни спячего, ни на скотину четвероногую, ни на какое животное, ни на дерево стоячее, ни лежащее, ни на камень на синее, ни на черное, ни на белое, ни на серое, ни на красное, ни на мать сырою землю, ни в холм, ни в болота, *ни в черные грязи и дебри, ни в темные леса, ни в быстрые реки, ни в синее море, ни в озера, ни на леды, ни на снега, ни на хоромное строение, ни в байну, ни в ригу, ни на амбары хлебные, ни на стаи скотинные, ни на какого человека, кроме сей девицы и(мярек) волосом и кровью, в ей ясные (такие-то) очи, и в (такое-то) лицо, и в горячую кровь, в ей в белое тело, в ей в ретивое сердце и в печень, в желуток, в ей кости и мозги, и жилы, и составы, в ручные, и в ножные, и в подпятные, и во весь ей стан человеческий, в парное ей тело нагое в (таком-то) платее, стоячих, сидячих, лежащих, спячих, ходячих и дорогой идущих, в ей згляд (такой-то). И запали, моя изоустная река огненная, тую красную девицу огнем нерукотворенным от моих слов и от моего языка, и от моего згляду, и с таких-то очей, от такого лица, от белого тела и (такой-то) крови, от такого волосом, от моего голоса, ей ясные очи, ретивое сердце, горячую кровь, кости и мозги, жилы и суставы ножные и ручные, вси 70 жил 3 и 2 и 1-ю жилу проходную и 70 составов, 3 и 2 и 1 состав зугибной(?) проходной великою силою и скорым(?) шествием. Как пулка ис пищали, и ядро ис пушки, и из лука стрела, и как она пулка, или стрела, или ядро в кого надобно стрелят придет, и скол тошно и горко тому человеку или зверю, или скотины, стол бы было тошно и болно той красной девице (такой-то) кровью по мне, по добром молотце и(мярек) таком-то кровью, умом и разумом, и помыслом, и хотением во сн и наяви, днем и ночью, сего нова месяца и полна, и ветха, и перекроя, и в межняя дни, и во исхожия пятницы, и стол бы ей было тошно, и стол бы ей было горко и тоскливо. Как тоснет младый младенец по матери, днем прохватится, и в ночь пробудится, по матерной титки, и как тоснет рыба по воды, и как зверь по лесу, и как птица неволная тоскует по воздуху, и как заключевный человек по выпуску, и как тоснут милыи по милу, и плачут, и горюют, так бы и так бы той красной девице и(мярек) такой-то кровью по мне по р(абу) Б(ожию) и(мярек) таким кровью в день схватилась и в ночь пробудилась, и здохнула, и заплакала, и затосковала. И как болной и хворой человек от немощи, и сохла бы она и горела та красна девица такая кровью по мне, р(абу) Б(ожию) и(мярек), в день и в ночь, во всякую пору, на утренной зори и на вечерной, а отец бы ей, и мать, и братья, и сестры, и подрушки, и милой друг, кой до сего есты был бы, и была б бы как зверь в лесу, и как враги

лютыя, и не могла б она на них поглянуть, ни посмотреть, ни полуглазом, а я бы ей, красной девице такой-то кровью, казался в очах как красное солныце и светлой месяц и милие отца и матери, рода и племени и милого друга, кой до сего был, и так бы его не любила и ненавидела, как великого и лютого врага и ненавистника, а меня бы, р(аба) Б(ожия) и(мярек), она, красная девица такая-то кровью, р(аба) Б(ожия) и(мярек) такого-то кровью любила паче себя, и сохла бы она по мне, р(абу) Б(ожию) и(мярек), и тосковала как человек при смертном часу и болит, и болши того б и пущше и болней, и не могла б она, р(аба) Б(ожия) и(мярек) кровью, без мене, р(аба) Б(ожия) и(мярек) кровью, ни дни, ни ночи коротати, и плакала б хлыпее слезами, и не могла б она той тоски по мне, р(абу) Б(ожию) и(мярек) кровью, лежанкой не отлежатце, сном не отоспатце, хожанкой не отходитце, беседой не отсидетце, б(о)гомолением не отмолитце, крестом не откреститце, дутьем не отдутце, питием не отпитце, ествами не отиститце, ни травами ни кореньями не отгрысце, и никем не заменитце, ни братом, ни сватом, ни другом, кроме меня, р(аба) Б(ожия) и(мярек) кровью и волосом. И как сие одинаков осиновое или какое ни деревцо отсечено сохнет и горит от красного солнѣца и от буйнаго ветра, так бы сия р(аба) Б(ожия) и(мярек) кровью и волосом сохнула б и горела и тосковала по мне, по добром молотцы и(мярек), таком-то кровью и волосом, до гробной доски.

Говорить в соль Зж.

(НБУ. Ф. 301. Ед. хр. 455. Конец XVII — начало XVIII в.)

49. Любовный заговор

Господи, благослови! Свет светает, заря замы(ка)етьца, красное солнце восходит, медвяная роса осыхает, птицы из гнезд вылетают. Аз, раб Божий имярек, от сна своего вставаю, лице свое умываю, к кресту Господню прикладываю. Да есть у меня, раба Божия имярек, радостен день и радостен час, так так бы возрадовалася раба Божия по мне, рабе Божию имярек, по всяк день и по всяк час. Стоит в (аки)яне море бел горюч латыр(ь) камень, прилетела птица ластовица, привила гнездо свое и возводит дети свои, и та птица ластовица возрадовалася, так бы рабу Божию имярек возрадовалася раба Божия имярек во всяк день и во всяк час. Да еще на сем свете течет река Ласка, на той реке Ласке выросло древо, верхи свиты (вм)есто, так бы сви(л)ася раба Божия имярек со мною, рабом Божиим имярек, в ветхе месяце, и в полне, и в перекрое ласкою своею и

любовию всегда. Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(РГБ. Ф. 92 (Собр. С. О. Д олгова). № 75. 1-я треть XVIII в.)

50. Любовный заговор

Лягу я, раб Божей Алексей, помолюся, встану перекрещуся, умоюся ризою, утруся пеленою, пойду из дверей во двери, из ворот ворота, постраняю сонца, под млад месяц, постражду Егорию Хараброму, по другую Кузме Демьяну, надо мною, рабом Алексеим, сам Исус Христос; и речет рабу Божему Алексею: Поди на море на киянь, на острав на Буян. На мори на кияни, на острове на Буяни стоит гробница, во той гробницы лежит девица. Пречистая дева Мария выпросит у ней тридевить три ключа и запереть тридевить три замка. Запираю сердца и с печинью в рабе имраке, семдисеть семь кровей, и семдисеть семь суставов, и семдисеть семь жил, чтобы есть ни заесть, пить ни запить, ходить ни заходить, окола роду ходить ни заходить, такога лицом в глазах ни засыпать, и глазам, и власам, и словам, и отъветам, и приветам.

(НБУ. Ф. 301. Ед. хр. 450. 1810-е гг.)

51. Любовный заговор

Лягу я не помолясь и встану не перекрестясь, пойду я из дверей во двери, из ворот ворота, во чистая поля путем дорогою. Навстречу идут четыре потреарха. Спросил я их: Куда вы идети? — Лес сушить. — Не идите лес сушить, а идите рабу сушить. Станьте ему на правое плече и дуйте во правое ухо, волосы русые, лице белые и кровь горячие и в ретивое сердце, чтобы ево ретивое сердце щемила и кровь горящия капала на сорок досок доскущем, сорок досок тоскующем. Как доска об доску третца, так чтобы раба по рабе навечна терлась. Как на посат возют, назат ни привозют, как покойнику до вто(ро)ва часу не вставать, так чтобы рабе от раба навечна не отъставать, на еде не заедать и на питье не запивать, наяву и во сне не забывать и вечно не покидать.

(НБУ. Ф. 301. Ед. хр. 450. 1810-е гг.)

52. При: Д: Ж: в любовь

Взять яблоко и проколоть его иглой с ниткой три раза и говорить:

Как сия нитка не отделяется от иглы, так бы не отделиласа раба Божия имрак от рабы Божией имрак.

Потом выйди вон и встань в тайном месте, а говори следующие слова:

Ах, ты, светлой месяц, не суши ты поля чистыя, леса дремучия, пески горячия, а суши рабу Божию имрак и воспали ея утробу, сердце и кровь горячую, жилки, поджилки, чтобы она во сне не засыпала, в еде не заедала и в питье не запивала, а про меня, раба Божия имрак, не забывала. Алфа и Омега — три раза.

(ИРЛИ. Дрeвлехранилище им. В.И.Малышева. Оп. 24. № 10. 1810-1820-е гг.)

53. Любовный заговор

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Стану я, раб Божий имярек, благословесь, пойду перекрестясь из ызбы дверми, из двора воротами в чисто поле, под восточную сторону. Под восточной стороной земля подъорана, трава подкошена, утренняя зоря сохнет и вянет от буйных ветров со всех четырех сторон, с восточную, западную, с летнюю и северную, так бы по мне, по рабе Божиим имярек, рабица Божия имярек сохла бы сухотой, чахла бы чахотой, душой, черными бро вями, ясными очами, все под сердечныма жилами, юносью и яросью, хотью и плотью, сердечно мочью по всякой день, по всякой час. Как она, раба Божия имярек, не видит и голосу моего не слышит, тогда бы не видела яснога солнца и светлаго месяца, утренняя зоря и вечерна. А когда она, раба Божия имярек, меня, раба Божия, увидит и голос мой услышит, тогда бы увидела ясное солнце, светлой месяц, утреную зорю и вечерную. Век повеку.

(РНБ. ОСРК. О.XVII.46. 1-я половина XIX в.)

54. Любовный заговор

Еще я стану, раб Божий имярек, благословесь и пойду перекрестясь из ызбы дверми, из двора воротами в чистое поле на восточную сторону. Под восточной стороной есть синее море окиян, на том море окияне есть остров, на том острове живет огненной царь. Я, раб Божий имярек, покорюсь и помолюсь огненному царю: Ой еси ты, огненной царь, бери ты в руки огниво и кремень, и выруби огня палящаго, и палящий зажги семьдесят городов и семьдесят королев. Еще я помолюсь и покорюсь: Не зажигай ты семьдесят городов и семьдесят королев, а зажги ты оу рабицы Божии имярек душу и тело, ретивое сердце, и черную печень, и горячую кровь, семьдесят три жилы и семьдесят три состава, чтобы она, рабица Божия имярек, без меня, раба Божия имярек, не могла не жить, не быть, ночи начевать и часу часовать, не в день житья, ни в ночь спанья, хлеба поесть, питья испить, все бы меня, раба Б(о)жия имярек, на оуме держала век мой и повеку.

Еще выйду в чистое поле под восточную сторону. Под восточной стороной есть славное море окиян, на окияне море есть остров, на том острове есть 12 братьев, 12 кузнецов. Ой еси вы, 12 братьев, 12 кузнецов, не сушите сена зеленого и травы кошеньные, а сушите оу рабы Божией имярека душу и тело, ретивое сердце по всякой день и по всякой час. И будьте, мои слова, крепки и лепки, крепче сераго камня и лепучие белаго яраго воску. Тех бы моих слов дуть не отдуть, дуть и плевать бы некому, не хлебом не заесть и питьем не запить, а тем моим словам ключь в небе, замок в роте. И во веки веков. Аминь, аминь, аминь.

(РНБ. ОСРК. О.XVII.46. 1-я половина XIX в.)

55. "Приворотный заговор"

(Заговор молодца на любовь красной девицы)

Лягу я раб Божий такой-то помолясь, благословясь, умоюсь я росую, утрюсь престольной пеленою; пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота; выйду я во чисто поле, во земное поморье; стану я на мать сыру-землю, поднимусь на Алатырь-камень; погляжу я на восточную сторонушку; как красное солнышко возсияет, мхи, болота, грязи черныя скоро припекает. Помолюсь я Богу, покрещусь я солнцу: так бы прибежала, так бы присыхала раба Божия такая-то, о мне рабе Божиим таком-то, очи в очи, сердце в сердце, мысли в мысли, спать бы она не засыпала, гулять бы она не загуляла, а меня раба Божия такого-то всегда в уме, сердце вспоминала. Аминь тому слову.

Солнцу красному во веки слава, Алатырь-камню крепкая держава ключами к сердечному сохраненью, заговору моему к близкому исполненью. Аминь, аминь, нашему крепкому слову, крепкому, накрепкому заговору.

Заговор читается над подаваемым красной девице питьем.

(Записано во Владимирской губ. свящ. А. Соболевым)

56. Присушная молитва

На Окияне, на острове на Буяне, есь белой горной камень Алтырь, на этом камне устроена огненная баня, в этой бане лежит рожжигательная доска, на этой доске 33 тоски: мечутца тоски, бросаютьца тоски, кидаютца, через все пути-дороги переступают, по воздуху оне топором мечутца. Тоски! вкиньтесь в красную девицу в буйную голову, в белое лицо, в сахарны уста, в ретивое сер(д)цо, в ум-разум, в ие хотенье, все белое тело. Штобы ей, красной девице (имя), казалса я, муж (имя), миляе свету белова, миляе сонца светлова, миляе луны прекрасной!

Ставайте вы, матушки 33 тоски тоскучие и рыбы рыбучие, берите свое огненное пламе, рожжигайте красную девицу в дни и в ночи, в полдни и полуночи и во всякой час!

(Токаринская волость)

57. Присушная молитва

На море-на Окияне, на острове- на Буяне лежит доска, на этой доске лежит тоска. Вьетца тоска, увиваетца тоска с доской в воду, из воды в — полё, из поля выбегает Сатана, кричит, взявши ременные вожжи: «Бей поскоряе, вдуй в красную девицу в губы, и в зубы, и в кости, и в тело белоё, ретивоё сер(д)цо, всю печень черную, всю кровь ясную, штобы красная девица (имя) тосковала всякой час по полудням, по полуночам; ела бы не заедала, пила не запивала, сном бы не засыпала, все бы тосковала; штобы я ей был, муж (имя), луче роднова отца и родной матери, луче роду-племени.

Замыкаю свой розговор семидесятью замками и семидесятью цепями.

Бросаю ключи в Окиян-море, под белой горячей камень Алтырь, кто мудряе

миня выишшетца, кто пересчитает весь песок из моря, тот отгонит тоску на море!

(Путинская вол.)

58. Присушная молитва

(В)Стану я, пойду в чистое поле, под востошную сторону, на(в)стричу мне сем(ь) братьев, сем(ь) ветров буйных: «Ветры вы, буйные ветры, откуль вы, буйные ветры?» — «Пошли мы в чистое поле, в широкое раздолье сушить травы кошонные, леса порубленные, земли попаханные».

— «Надуйте вы ветры, ветры буйные, тоску тоскушшую, сухоту сухотушшую со вдов, и сирот, и с маленьких дитят, со всево свету булова, понесите в красную девицу (имя) в белое тело, в ретивое сер(д)цо, посеките булатным топором все ретивое сер(д)цо, посадите в ие тоску тоскушшую, сухоту сухотушшую в кровь горечую, в печень, в суставы, в ретивое сер(д)цо, штобы красная девица (имя) тосковала и горевала бы обо мне, муже (имя), в гулянье бы не загуливала, в теплой банюше паром не запаривала, шшолоком не смывала, виником не спаривала; казалса бы красной девице муж (имя) милые отца-матери, милые луны восходной!

(Беляевская волость)

59. Присушная молитва

Пойду я в чистое поле, змолюсь трем ветрам, трем братьям: «Ветры вы, буйные вихри, по всему дуи(е)те белому свету, распалите и зажгите и сведите красную девицу (имя) со мною, мужем (имя), душу — в душу, и тело — с телом, хоть — с хотью, и плоть — с плотью, и не уроните тоски моей-присухи не на воду, не на скотину, не на лес, не на землю. Сроните на землю — земля сгорит, на скотину сроните — скотина посохнет, на лес сроните — лес повянет, на воду — вода высохнет. Снесите и положите ие в красную девицу в белое тело, в ретивое сердце, в хоть-в плоть. Есь в чистом поле седая баба, у той бабы стоит печь кирпичная, в той печи кирпичной стоит курган, в том кургане всякие вешши горят — не перегорают, сохнут — не высыхают; так бы обо мне — муже — у красной девицы сердце кипело кровью горечей, не могла бы без миня, мужа, красная девица ни жить — ни

быть!

(Хохловская волость)

60. Присушная молитва (на питье или еду)

(В)Стану я, раб Божей (имя) благословесь, пойду перекрестесь, из дверей — во двери, из ворот — в ворота, под красное со(л)нцо, под светлой мисець, под частые звезды, под черное облоко в востошную сторону. В востошной стороне Сам Исус Христос и Мать Пресветая Богородица, Все Силы Небесные; я, раб Божей, покорюсь-помолюсь, Самому Исусу Христу с Матерью-Пресветой Богородицей, Всем Силам Небесным: «Пособите мне, рабу Божью (имя), пустить на рабу Божью (имя) тоску тоскушшую, сухоту сухотушшную. Пойду раб Божей (имя) на Окиян-море, на Окияне-море ес(т)ь остров, на этом острове стоит дубовая баня, в этой дубовой бане стоит рабица Божия (имя): тело белое, ретивое сер(д)цо, великая печень, кровь гореча, становая жила. Кладу ей в велику печень, в становую жилу тоску тоскушшую, сухоту сухотушшую, не могла бы раба Божья (имя) часу обо мне часовать, минуты не миновать, не могла бы терпеть, тосковала бы и горевала, плакала и рыдала, тяжело бы здыхала, миня завсегда, раба Божья, на уме держала, как волос с волосом скетца, так бы у ей, у рабицы (имя), обо мне серцо скалось. Как голубь с голубкой воркует, так бы эта раба Божья (имя) обо мне тосковала. Как малинькой ребенок — об титьке, кобылица — об жеребенке, как корова — об теленке, так бы она, раба Божья (имя) обо мне, рабе Божьем, тосковала и горевала, и плакала, и рыдала, тяжело бы здыхала, завсегда бы мое, раба Божья, име на уме держала. Как стоялой конь ржот, рветца, прихоть имеет; так бы эта рабица (имя) имела миня век сповека, отныне и до века! Аминь.

Наговаривать на питье или съестные припасы и их дать употребить тому лицу, которое желают привлечь.

(Дер. Чуран, Андр. волости от кр-на Ил. Петр. Рудометова)

61. Присушная молитва

(В)Стану доброй молодец не благословесь-не перекрестесь, не из дверей во двери, в чисто поле, в широко роздолье, не под злат-свител мисец, не под

луну Восподню, пойду, доброй молодец, в зелены луга, пойду я на сине море. В синем море стоит остров. На тем острове лежит Мармон-камень, на этом камню стоит царь Соломон. Подойду я к тебе, батюшко царь Соломон, доброй молодец (имя), усердно я вас прошу, батюшко царь Соломон, стреляешь в темны леса, в зыбучие болота, в пенье-в коренье, в ключи и паточкины, ты жо, батюшко, царь Соломон, не стреляй не в пенья, не в коренья, не в ключи, не в паточкины, выстрель-ко, батюшко царь Соломон, в красную девицу: в белую грудь в ретивое сер(д)цо, в горечую кровь, и в кости, в 88 жил и 88 суставов; и она бы обо мне, о добрым молодце (имя), дню бы не дневала, ночи не ночевала, все бы ие ретивое сер(д)цо тужило бы обо мне — о добрым молодце. Зрела бы она, смотрела бы на миня, на доброва молодца, в теплой бане не спаривала, в ключевой воде не смывала, полотенцом не затирала, все бы ныло ие ретивое сер(д)цо обо мне, добрым молодце (имя)! У меня, у доброва молодца, ес(т)ь три ключа и три замка: мо езык — ключ, моя голова — замок, будьте мои слова крипче камню булатнова!

(Дворецкая вол.)

62. Присушная молитва

(В)Стану я, раб Божей (имя) блавословесь и пойду перекрестесь, тоску пускаю по ветру, наговоривши при утренней заре, утренняя и вечерняя зари, «скатеря» полуношница. (В)Стану я, раб, не благословесь, — пойду не перекрестесь, пойду в день под со(л)нцо, а в ночь — под мисец, под часты звезды, пойду я, раб (имя), в луга зеленые на Окиян-море, на Окиян-остров, на острове стоят три зеленые дуба. Я, раб (имя), пойду поближе, поклонюсь пониже: «вы, батюшки — ветры, сослужите мне службу верну-неизменну. Што пошлите вы своих кульеров, поштальонов, послов, отберите от миня, раба (имя), тоску и понесите через горы и доли за темные леса, за быстрые реки, за ледники, паточкины, полети моя тоска, полети сухота, не пади, моя тоска, не пади, сухота — не на воду, не на землю, а — прямо на сер(д)цо рабице Божьей (имя). Батюшки ветры, батюшки вихри, наполните ей 77 жил, 77 суставов, 77 ногтей и в становую жилу и разоприте ей грудь; не смогла бы рабица Божия (имя) ни жить ни быть, ни дню дневати, ни минуты миновати, всегда бы тосковала и горевала, плакала, рыдала, тяжело бы (в)здыхала, и вселда бы миня, раба Божья (имя), на уме держала, не казалса ей не отец, не мать, и не весь белой свет, казалось бы мое белое лицо аляя цвета макова, билые снегу белова, милые роду-племени. Будьте мои слова

крепки и лепки. Запру я эти слова крепко-накрепко, бросаю ключи в море, а замки — в небо. На жёлтом песке эти ключи зглотила шш(щ)КА-белуга и кто эту рыбу заловит, тот сможет вылечить. Аминь!

После паренья в бане на теле останутся три листочка веника, взять их сжечь утром в печи и при жжении говорить заговор.

(Дер. Чуран, Андр. волости от кр-на Ильи Петрова Рудометова)

63. Заговор молодца на любовь красной девицы

На море на Окиане, на острове на Буяне, лежит доска, на той доске лежит тоска. Бьется тоска, убивается тоска, с доски в воду, из воды в полымя, из полымя выбегал сатанина, кричит: павушка романея, беги поскорее, дуй рабе такой-то в губы и в зубы, в ее кости и пакости, в ее тело белое, в ее сердце ретивое, в ее печень черную, чтобы раба такая-то тосковала всякий час, всякую минуту, по полудням, по полуночам, ела бы не заела, пила бы не запила, спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтоб я ей был лучше чужого молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговор семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цепями, бросаю ключи в Окиан-море, под бел-горюч камень Алатырь. Кто мудренее меня взыщется, кто перетаскает из моря весь песок, тот отгонит тоску.

64. Заговор для любви

Исполнена есть земля дивности. Как на море на Окиане, на острове на Буяне, есть бел-горюч камень Алатырь, на том камне устроена огнепалимая баня, в той бане лежит разжигаемая доска, на той доске тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, и бросаются тоски из стены в стену, из угла в угол, от пола до потолка, оттуда чрез все пути и дороги и перепутья, воздухом и аером. Мечитесь, тоски, киньтесь, тоски, и бросьтесь, тоски, в буйную ее голову, в тыл, в лик, в ясные очи, в сахарные уста, в ретивое сердце, в ее ум и разум, в волю и хотение, во все ее тело белое и во всю кровь горячую, и во все ее кости, и по все составы: в 70 составов, полусоставов и подсоставов. И во все ее жилы: в 70 жил, полужил и

поджилков, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала по всяк день, по всяк час, по всякое время, нигде б пробыть не могла, как рыба без воды. Кидалась бы, бросалась бы из окошка в окошко, из дверей в двери, из ворот в ворота, на все пути и дороги, и перепутья с трепетом, тужением, с плачем и рыданием, зело спешно шла бы и бежала, и пробыть без него ни единыя минуты не могла. Думала б об нем не задумала, спала б не заспала, ела бы не заела, пила б не запила, и не боялась бы ничего; чтоб он ей казался милее свету белого, милее солнца пресветлого, милее луны прекрасныя, милее всех и даже милее сну своего, по всякое время: на молодцу, под полн, на перекрое и на исходе месяца. Сие слово есть утверждение и укрепление, им же утверждается, и укрепляется, и замыкается. Аще ли кто от человек, кроме меня, покусится отмыкать страх сей, то буди яко червь в свище ореховом. И ничем, ни аером, ни воздухом, ни бурю, ни водою дело сие не отмыкается.

65. Заговор полюбовного молодца на любовь девушки

За морем за Хвалынским, во медном городе, во железном тереме сидит добрый молодец, заточен во неволе, закован в семьдесят семь цепей, за семьдесят семь дверей, а двери заперты семьюдесятью семью дамками, семьюдесятью крюками. Никто доброго молодца из неволи не освободит, никто доброго молодца досыта не накормит, допьяна не напоит. Приходила к нему родная матушка такая-то во слезах горючих, поила молодца сытой медовой, кормила молодца белоснеговой крупой, а, кормивши молодца, сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свыкаться бы молодцу со буйными ветрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрелу по поднебесью, не стрелять бы во белых лебедей, что лебедей княжиих, не доставать бы молодцу меч-кладенец врага-супостата, а жить бы молодцу во терему родительском, с отцом-с матерью, с родом-племенем. Уж как возговорит добрый молодец: не чисто поле меня сгубило, не буйны ветры занесли на чужую добычу, не каленой стрелой доставал я белых лебедей, не мечом-кладенцом хотел я достать врагов-супостатов, а сгубила молодца воля молодецкая, во князем терему над девицей красной такой-то.

Заговариваю я, родная матушка такая-то, полюбовного молодца такого-то на любовь красной девицы такой-то. Вы, ветры буйные, распорите ее белу грудь, откройте ее ретиво сердце, навейте тоску со кручиной, чтобы она тосковала и горевала; чтобы он ей был милее своего лица, светлее ясного дня, краше роду-племени, приветливее отца с матерью; чтобы ей он казался во сне и на яву, в день и полдень, в ночь и полночь; чтобы он ей был во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по нем, и без него бы радости не видала, утех не находила. Кто камень Алатырь изложет, тот мой заговор превозможет. Моему слову конец на любовь красной девицы такой-то.

66. Заговор на любовь

На море на Окиане есть бел-горюч камень Алатырь, никем неведомый; под тем камнем сокрыта сила могуча, и силы нет конца. Выпускаю я силу могучу на такую-то красную девицу; сажаю я силу могучу во все составы, полусоставы, во все кости и полукости, во все жилы и полужилы, в ее очи ясны, в ее щеки румяны, в ее белу грудь, в ее ретиво сердце, в утробу, в ее руки и ноги. Будь ты, сила могуча, в такой-то красной девице неисходно; а жги ты, сила могуча, ее кровь горючую, ее сердце кипучее на любовь к такому-то полюбовному молодцу. А была бы красная девица такая-то во всем послушна полюбовному молодцу такому-то по всю его жизнь. Ничем бы красная девица не могла отговориться, ни заговором, ни приговором, и не мог бы ни стар человек, ни млад отговорить ее своим словом. Слово мое крепко, как бел-горюч камень Алатырь. Кто из моря всю воду выпьет, кто из поля всю траву выщипит, и тому мой заговор не превозмочь, силу могучу не увлечь.

67. Как приворотить девку

а) Истопи баню жарко и вройди в нее; когда взопреешь, возьми чистую тряпицу, сотри пот и выжми тряпицу на пряник. Когда станешь пот стирать, тогда глаголи трижды сей заговор:

На море на кияне, на острове на Буяне, стояло древо; на том древе сидело семьдесят, как одна птица; эти птицы щипали вети (ветви), эти вети бросали на землю; эти вети подбирали бесы и приносили к Сатане

Сатановичу. Уж ты, худ бес! И кланяюсь я тебе и поклоняюсь, - сослужи ты мне службу и сделай дружбу: зажги сердце (имрек) по мне (имрек) и зажги все печенки и легкое, и все суставы по мне (имрек). Будь мое слово крепко, крепче трех булатов во веки!

Вели пряник съесть.

b) *Взойди в баню и глаголи трижды со вниманием на пряник:*

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь. На море на кияне, на острове на Буяне, на реке на Ярдане, стояла гробница; во той гробнице лежала девица. Раба божия (имрек)! Встань, пробудись, в цветное платье нарядись, бери камень и огниво, зажигай свое сердце ретиво по рабе божию (имрек) и так зажигай крепко, и дайся по мне рабе божию (имрек) в тоску, в печаль; как удавшему (удавленнику) в петле, так бы рабе божией (имрек) было бы тошно по рабе божию (имрек); как утопшему в море, так бы рабе божией (имрек) было тошно по рабе божию (имрек) — как душа с телом расстается во веки — аминь. Утвержаю Иисусом Христом и Пресвятою госпожею Богородицею, и всею небесною силою во веки, аминь.

Всегда и ныне и присно, и во веки веков, аминь. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Отца — аминь, Сына — аминь, Святого Духа — аминь.

Дай пряник съесть ей.

c) Лягу я раб божий (имрек) помолясь, и встану благословясь, и пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота — в чистое поле, под частыя звезды, под лунь (луну?) Господень. И лежат три дороги и не пойду ни направо, ни налево; пойду по средней дороге, и та дорога лежит в темной лес. В темном лесу стоит древо тоски; тоскует и горюет тоска, печалуется (печалится). И посылаю я тоску в рабу божию (имрек); взойди в ее белое тело и в ретивое сердце, и в русы власы, в кровь горячую — в руду кипящую, чтобы она по рабе божию (имрек) тосковала, и все бы она обо мне думала; в питье бы она не запивала, в естве бы не заедала, во сне бы она не засыпала, а завсегда бы она меня, раба божия (имрек), на уме держала. Как солнцу и месяцу помехи нет, так бы и мо(е)му наговору помехи не было. Аминь, аминь, аминь».

68. Старинное заклинание на любовь

Стану отрок, имя рек, не благословесь, пойду не перекрестесь, из избы не дверми, из двора не воротми, и пойду в чистое поле. В чистом поле стоит три и два и един: бес Сава, бес Колдун, бес Асаул, и я сойдусь поближе отрок им. р. и поклонюсь пониже: а.....1 вы три деветь бесов три, два, и един, бес Сава, бес Колдун, бес Асаул, и как вы служили Ироду царю, и так послужите мне отроку им., пойдите по городам и по уездам и по деревням, избирайте тоску и сухоту, со зверей и с птицы, и с рыбы и со всякаго звания людей, и снесите ту тоску и сухоту в отроковицу, имя рек, в ясныя очи, в черныя брови, в румяное лице, в сахарныя уста, в горячую кровь, в черную печень, в тридевять жил, и в одну жилу, во становую, в подпятную....., чтобы отроковица (имярек) не могла бы не жить, не быть ни день по солнцу, ночью по месяцу. Как младенец без матернаго молока жить не может, так бы жила отроковица и. р.: без воды не может жить ни днем, ни ночью, ни в которую пору. Есть в чистом поле стоит дуб сорочинской, и под тем дубом сорочинскимъ есть тридевять отроковиц, из под того дуба сорочинскаго выходит Яга баба и пожигает тридевять сажен дубовых дров. И коль жарко и коль ярко разгоралось тридевять сажен дубовых дров и столь жарко..... разгоралась отроковица р. б. (имярек), разгорались ясныя очи и черныя брови, и румяное лицо, сахарныя уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семдесят жил и семдесят суставов и семдесят один сустав, чтобы отроковица р. б. (имярек) без отрока, имя рек, не могла бы с себя тоски и сухоты снять, в парной бане паритце, не могла бы в чистом поле разгулятца и преснымъ молокомъ нахлебатце, ни сном отоспатце, в беседи не отсидетце. И тем моим словам ключь и замок, и замок замкну, и снесу замок в акиян-море под латырь камень.

(Списан со старинной рукописи, доставленной из Пинежского уезда г. Хромцовым).

69. Как присушить любимую девицу

Прихожу я раб Божий Данило к огненной реке, через ту реку огненную летает змей огненной, и сыплет из себя искры жарки и ярки, выжигает пни и колоды, и выпаливает темныя озера и с темными островами, из роту пламень пышет, из ушей дым идет. Приду я, раб Божий Данило, к огненному змею, поклонюсь и покорюсь, у тебя милости прошу: возьми ты, змей огненной, возьми ты от змеи огненной с рабы Божией Парасковьи красоту и лепоту, а нос и ярос, хоть и плоть понеси к рабу Божию NN, в очи ясныя, в уста сахарны, в ретивое сердце, в кровь горячую, хоть ходячу, как

маленький младенец не может жить без матушкинова грудного молока, ревет и как белая рыба не может жить без воды, цвет от буйнова ветра вянет, от красного солнца сохнет, так бы раба Божия Парасковья сохнула и вянула об рабе Божиим Даниле, сохнула и вянула, тоску тосковала, никогда бы с ума-разума не спускала, днем при солнце, ночью при месяце, при ясных звездах, при утренних зарях, во всех перекрышах, в 24 часах, в пирах бы, в беседах не заедал и не запивал, никогда бы раб Божий Данило, с ума-разума не спускал, как у матери в келье, в печи дрова разжигаются, распыливаются, так бы мои слова распаливали у раба Божия NN очи ясны, уста сахарны, сердце ретивое, кровь горячую, 77 жил, 77 суставов, дуть и не отдуть, молить и не отмолить, плевать и не отплевать. К моим словам замок, губы мои замок, язык мой ключ. Брошу ключ в море, замок за облака. Кто хочет меня взять, пусть к синему морю подойдет, из моря всю воду выпьет, обсушит ключи мои, тогда и возьмет меня. Во веки аминь.

Отворот.

Перехожу я, раб Божий Данило через реку огненную, летает змей огненной, из рота пламя пышет, из ноздрей искры летят, из ушей дым идет, как этого ада змия огненного боятся волки, и звери, и рыбы, крестьяна и большаи люди, так бы раб Божий Данило, боялся бы рабы Божией Парасковьи, как кошка и собака бьются, царапаются, так бы он раб Божий Данило, рабу Божию Парасковью бил и колотил, бился и колотился, никогда бы раб Божий Данило на очи не пускал бы ни днем и ночью и в кампанье на очи не пускал бы рабу Парасковью. Будьте мои слова крепки и лепки задни и передни, дуть и не отдуть, плевать и не отплевать и никому не пособить во веки веков. Аминь.

(Записано со слов крестьянки с. Оек Анны Ивановой)

70. Присушка на девушку (женщину)

12 ветров, 12 братьев, дули-подували с востока и до запада, сушили леса подчерневые, травы подкошенные; вы же, 12 ветров, 12 братьев, берите тоску, несите тоску, не бросайте тоску ни на калинник, ни на малинник, ни на таволожник, ни на жимолостник, ни на тихо озеро, — берите тоску, несите тоску, бросьте тоску той рабице (имярек) в ретивое сердце, в кровь горячую, во весь стан человеческий. Будьте мои слова и приговоры крепки и лепки — крепки ко мне, крепче булата, вострее острого ножа, крепче

булатного остря. Язык — ключ, уста — замок. Аминь.

Говорить в печное цело (чело) или в дым утром.

71. Присушка на девушку (женщину)

Встану я благословясь, пойду перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота под восток, под восточну сторону. Под восточной стороной стоит избушка, в избушке — печь, на печи доска, на этой доске тоска. Тоска-тоскушша, сухота-сухотушша, плач-плакушща, чтоб плакал-тосковал, с ума-разума не спускал, во сну не засыпал, в еде не заедал, в питье не запивал, в холоде не захаживал. Пойду я из улки в улки, из переулка в переулок, по калиновому мосту с 3 братцами с буйными ветрами по калиновому мосту, по переходам, по переездам, попадают мне-ка 12 вихрей вихоровичей: «Где рабу Божию (имярек) найдете, белу грудь распорете, эту тоску-тоскушшу пустите, в ретиво сердце положите, чтоб она плакала, тосковала об рабе Божиим (имярек) чище сухой сушины и сухой цечины и сухой веничины». Сидит раб Божий (имярек) за столы дубовыми, за скатерти бранными, за есвы сахарными, за питьи дияными (медяными?) — скакала, бросалась раба Божия (имярек) за столы дубовы, за скатерти браны, за есвы сахарны, за питья дияны и брала бы она, раба Божия (имярек) за белыя руки, за златыя перстни, в уста целовала, к сердцу прижимала своим милым другом называла.

Хоть по ветру пусти до 3 раз переговаривай и дуй; хоть на вино или что-нибудь съестное шепчи — это лучше; если не пожалеешь, то прибавь: «Как матушка у меня слюна сохнет-иссыхает в роте, так (имярек) сохла бы иссыхала об рабе Божиим (имярек) раба (имярек)». Эту слюну пустить в еду или питье.

72. Присушка женщину (девушку)

Встал я раб (имярек) не благословясь, пошел я не перекрестясь не из избы дверями, не из ворот воротами ни под восток, ни под восточную сторону, не под утреннюю зорю Марены, не под вечернюю — Маремьяны; пойду я не путем, не дорогою: встречу — летит мне лютый огненный змей об трех головах и об шести крылах; из рта пламень пышет, из ноздрей искры валят, из ушей дым столбом. Я, раб (имярек), не устращусь, не убоюсь, подойду

поближе, поклонюсь пониже: «Гой еси, лютый огненный змей, куда летишь?» — «За горы за высокия, за леса за темные, за пещеры глубокия; зажигал я 77 дубов и 77 городов». — «Гой еси, лютый огненный змей, не летай за горы за высокия, за леса за темные, за пещеры глубокия — полетай за синее море: на синем море есть медная доска, на медной доске есть девка-тоска, в руках держит тоску-тоскушую, сухоту-сухотушую, печень бесконечную, неси и береги, не рони, не вырони ни в воду, ни на землю, береги от ветра, от вихря, принеси и положи к рабице (имярек) в легкую печень, в ретиво сердце, в 77 жил, в 77 суставов, в плоть и хоть, чтоб она сном не засыпала, едой не заедала, в гульбе не загуливала, в беседе не засиживала, шитьем не зашивала, венником не спаривала, водой не смывала, плакала бы и горевала и меня раба с ума-разума не спускала. Как разгорается и раскипается в горну железо, так бы и разгорались и раскипались у рабы (имярек) легка печень, ретиво сердце, 77 жил, 77 суставов, плоть и хоть. Будьте вы, слова мои, все сполна крепки и лепки, крепче и лепче острого ножа булатного. Язык мой — ключ, уста — замок.

73. Заговор на тоску девушки по парню

Горит где мати, белокирпичная печь, сохнет и колется, не отходит от белодубоваго столба тоя, и рабица Божия (имярек) не могла бы она дни дневать, часы часовать, денные часы и полуденные, во все сутки, во все двадцать четыре часа; на молодую и на ветхую и перекрой, при утренней зоре — Марье, при вечерней — Маремьяне та ли бы рабица-раба (имярек) в яствах не заедала, в питьях не запивала, во сне не засыпала, в мыльной бане не смывала, дабы рабица Божия раба на уме, на разуме держала так, и будьте мои слова и приговоры все сполна и исполна — передни слова напереди, задни — назади — моим словам аминь. На аминь сам Господь утвердил небо и землю: так и мои слова будьте лепки и крепки.

74. Присуха на девушку (женщину)

Стану я, раб Божий (имярек), благословесь,
Пойду перекрестесь
Из избы дверьми,
Из двора воротами
В чистое поле,

Как жар с жаром не сходится,
Так же бы и раба Божия (имярек)
Тоска с тоски не сходилася.
От ретивого сердца,
От горячей крови,
Некогда ни жить, ни быть.
Как в печи жар потухает, хлебы пекутся,
Так бы он без меня об мене.
Век по веку. Аминь.

(Зап. в д. Барсуницкой)

Источники заговоров на тоску и присушку девушки или женщины:

- 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 68 — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Собр. П. С. Ефименком, 1878 г.
15 — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым т. 3, 1861 г.
16 — Отечественные Записки, 1847 г.
17, 20, 25, 28, 29, 36, 37, 38, 39 — Археологическое Общество (Великорусские заклинания, Л. Н. Майков, 1869 г.)
18, 21, 22, 27 — Библиотека для Чтения, 1848 г.
19 — Воронежский литературный сборник 1861г.
23, 35 — Памятная книга Архангельской губернии 1864 г.
24 — Поэтические воззрения Славян на природу, А. Афанасьева.
30 — Иллюстрация 1845 г., № 16.
31 — Великорусские заклинания, Л. Н. Майков, 1869 г.
32 — Пермские губернские ведомости 1863 г.
33, 34 — Известия Русского Географического Общества, 1863 г.
40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54 — Топорков А.Л. (сост.). Русские заговоры из рукописных источников XVII-первой половины XIX в., 2010.
55 — Свящ. Алексей Соболев. Обряд прощания с землей пред исповедью, заговоры и духовные стихи. Губ. гор. Владимир, 1914.
56, 57, 58, 59, 60, 61, 62 — В. Серебренников. Народные заговоры, записанные в Оханском уез., Пермской губ. Пермь. 1918 г.
63, 64, 65, 66 — Сказания русского народа Сахарова, Том I. 1841 г.

67 — Народные заговоры собранные Афанасьевым. Летопись русской литературы, 1862 г.

69 — Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Вып. 2, 1914.

70, 71, 72, 73 — Алтайский сборник. Том. 11. Издание Алтайского под-отдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Барнаул, 1912.

74 — Магические практики севернорусских деревень. Заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записи конца XX — начала XXI века. Том I. Архангельская коллекция. Пропповский центр, Санкт-Петербург, 2020.

1 Здесь и в следующих местах вырвано по одному слову в рукописи.